

«ЗОДЧАК»

И ЕГО ГОСТИ

Литературная страница

Татьяна Каминная

Свет надежды

«Сквозь окно мы смотрим друг на друга:
Я — на вечер, вечер — на меня...»
А. Курчанов

Сквозь стекло глядите друг на друга:
Ты — на вечер, вечер — на тебя.
Расстелила снег на землю выюга.
В мире сером только свет огня.

Лампочка, искусственное солнце,
Душу греет, радует теплом.
Ты прильнул к холодному оконцу,
Позабыв на время о былом.

Светит электрический фонарик.
Разгоняет подступивший мрак.
Свет надежды щедро миру дарит.
Без нее не выживешь никак.

Не успели расцвести

Начинает холодать. Здравствуй, осень!
Вот и кончилась тепла благодать.
Ветер северный надежду уносит.
И тоска на сердце — не передать.

А на юге где-то солнце, и пальмы,
И воды морской лечебная соль...
У меня сегодня астры пропали.
И в груди комочком съежилась боль.

Не успели расцвести, не успели.
Красоты их не увидит никто.
Я бутоны отогреть не сумею,
Даже к сердцу положив, под пальто.

Жизнь короткая цветов-однолеток,
Не заметишь — пролетела уже.
С нашей жизни скоростной мини-слепок.
На каком сорвемся мы вираже...

Раскаяться

Пусть в слова не облаеаемо,
Но печет в груди огнем
Запоздалое раскаяться,
Если вспомнится о Нем.

Было много дров наломано—
Заглушала разум страсть.
Устелила бы соломой,
Если б знала, где упасть.

Только нынче стали ясными
И поступки, и слова.
Раньше гордость разум застила,
Я бывала не права.

И под черной головешкой
Схоронив любовный пыл,
Я рыдала, безутешная,
Оттого, что не любил.

А сама любила искренне,
Чувства живы до сих пор:
Иногда сверкает искрами
Мной погашенный костер.

Жизнь продолжается

Первых снежинок несмелый полет,
И приземление, гибель несущее...
Ныне живущее скоро уйдет,
Место свое уступая грядущему.

Только печалиться повода нет:
В мире меняется все — обновляется.
Льется на Землю Божественный Свет
Жизнь продолжается.
Жизнь продолжается.

Хайдар
Бедретдинов

МАСКИ

Как часто попадаемся на ласку!
Как бабочки, на злой огонь летим
И за игрой не различаем маску.
А может, различать и не хотим!

Нас окружают маски, маски, маски...
Не оттого ли на сердце печаль?
Но разрушать привычную нам сказку,
Ей-Богу, почему-то очень жаль.

В минуты откровения мы с другом
Смеялись над фальшивостью толпы.
Смеялись, но порой давали руку
Тому, кого не уважали мы.

Друг в трудный час меня спокойно предал.
Он снял вдруг маску, словно полинял.
Не жаль, что он убил в святое веру,
А жаль мне, что я друга потерял.

ЧЕМБИЛЕЙ

Как увидеть хочу Чембилей!
Встречи теплые стали так редки.
Где просторы холмистых полей,
Наша малая родина предков?

В своих мыслях к тебе, Чембилей,
Я все еду — никак не доеду —
Повидать стройный ряд тополей,
Что когда-то посажены дедом.

Ты, конечно, не тот, Чембилей,
Что встречал москвичей так радушно:
Нет давно моих детских друзей,
Нет ни кузницы той, ни конюшни.

Поредела большая родня.
Раскидала какая нас сила!
Вряд ли есть кому встретить меня:
Кто — в других городах, кто — в могилах.

Говорят, что домов много строится, —
Я деревню узнал бы навряд.
Лишь два озера, что за околицей,
Как два глаза, мне в память глядят.

Андрей Тернов

Лучшая молитва

В круговороте жизни
Удел наш предрешен
Не тем, куда пришел,
А тем, к чему стремишься.

Быть должен генералом
В любой момент кто прав.
Но кроток умных нрав,
А чин дают нахалам.

За справедливость в битвах
Дерись! Держись! Молись!
Но праведная жизнь —
Вот лучшая молитва.

Степан Васин

Строки памяти

Провожая Алексия,
Помни свет в его
глазах.

С ним молилась
вся Россия,
С нами он и в небесах.

х х х
Душа звенит живой
струною —
То Магомаев начал
петь.
Он на века теперь
со мною,
С ним легче творчески
гореть.

Виктор Горшков

НЕВЕРА

Рассказ

За окном электрички мелькали маленькие столбики, и цифры на них, как в арифмометре, перебрались величинами по нарастающей — от единицы до девяти. Затем верстовой столб — и остался позади еще один километр.

Владимир Николаевич, он же Вовчик, он же Вован, он же Володенька, смотрел на цифровую мультипликацию и не видел ее. Он весь был там, в своей прошлой жизни. Его нервная система после долгого напряжения не вынесла удара последнего события и надломилась. Сейчас она отдыхала в теплом детстве; даже в болевых ситуациях, где вчерашний незнакомец становился другом, а друг — братом; в первых успехах бизнеса и любви. Приятно и горько было перебирать дни свиданий, торжественных моментов, рождения ребенка. Он непроизвольно вздрагивал, когда открывалась в памяти карта пустой масти. Но так уж устроена психика, что даже сквозь боль он снова и снова погружался в тепло прошлых дней и лет.

«Как бы хорошо все вернуть или самому вернуться из него. Все бы отдал, все до последней копейки!» — подумал Влади-

мир, но тут же вспомнил, что отдавать уже нечего, по крайней мере завтра точно ничего не будет. Завтра — срок, завтра последний день. Все возможные варианты он перебрал и видел только один реальный выход.

Владимир ехал в никуда, пересаживаясь из электрички в электричку, затем в дизель-поезд. Где-то там, в чистом поле, непременно в чистом поле, а не в лесу, чтобы было видно небо светлое или звездное, он встретится с этим!.. Страха не было.

Не было страха за себя. Жгла сердце ответственность за семью. Он знал, что плохо и больно им не сделают, но и никто больше не поможет. Придется выбирать самим, а сделать это будет гораздо тяжелее, чем когда-то приходилось ему.

Надо было остановиться год назад, денег хватило бы на три поколения вперед для нормальной жизни. Но...но...но...

По вагону прошел продавец, прокричав рекламную песню, что ненадолго вернуло Владимира в мир бытия. И опять горькая мысль: «Ах, если бы... Если бы не последняя сделка...».

Всю жизнь ему сопутствовала удача, порой невероятная. Он часто смот-

рел на небо, искал глазами ту звезду, говорил с ней, своей помощницей и заступницей, и уверовал в нее крепко. Хотя и нерегулярно, но посещал церковь, жертвовал от души, благодетельствовал при случаях, особенно на детей. Сам ведь вырос без отца, а мать помнил всегда в работе, заботах, но при всех трудностях спокойную и ласковую.

— Знал ведь, — говорил сам себе Владимир, — что это не может длиться бесконечно, да бесшабашность, присутствующая даже в самом расчетливом русском человеке, была причиной всему. Но он гордился этим даже сейчас и только жалел семью.

От толчка в плечо он не вздрогнул — ждал этого. Видел, как его «пасут». Но глянув вдоль своего плеча, где лежала чужая ладонь, встретился взглядом с женщиной-контролером. Билета не было, он их просто не покупал. Женщина чем-то напоминала мать. Владимир, не осознавая, смотрел на нее внимательно, нежно, потихоньку расслабляясь. От чутких глаз женщины не ускользнули мягкие изменения в безбилетном пассажире; быстро и незримо протянулась между ними нить.

— Что, сынок, торопишься? — с участием, даже ласково спросила она его. И от ее голоса на душе стало уютно и тепло, как в детстве.

— Нет, мать, наоборот, никуда не спешу, — сказал Владимир.

— Ну, да бог с тобой, — с этими словами женщина запоздало сняла руку с его плеча и пошла дальше.

Владимир, как после внезапного пробуждения, вздохнул, прошагав по вагонам, догнал ее и протянул ей денег, разных — русских и «зеленых».

— Это тебе, мать, штраф за проезд, дай только на память квитанцию. Сдачи не надо. Купи себе платок. Нет, два — ярких, красивых. И поставь свечку за меня, — сказал он, словно выпалил, а про себя подумал: за покой моей души.

Повернулся и легко, ровно двинулся обратно, но не сел на прежнее место, а пошел в другой вагон. Пора выходить. Владимир чувствовал: то поле где-то рядом.

Вышел на платформу. Рядом с ней мужик по вскопанному огороду сажал картошку, а ласточки или стрижи садились тут же на грядки и маленькими клювами выбирали что-то из земли. Кругом были покой и мир. Вдале-

Светлана Гордиенко

К ЗИМЕ

Затянуло лужи ледяною коркой,
Сиротливо голуби ходят под окном.
Ах, какую осень оказалась стойкой,
Не дает она себя поросить снежком.

Зимушка, успеешь взять бразды правленья,
Ты морозить не спеши землю и людей,
Уложить дай осени мягким дуновеньем
Листья спать. Укроешь их, как своих детей.

Виктор Ивашко

Кавказская беда

Мир содрогнулся. С грохотом орудий
Обрушилась беда на осетин,
В огне разрывов вновь погибли люди,
У выживших прибавилось седин.

Лежат в руинах города и села,
Больницы, школы, детские сады...
Продолжить можно список невеселый —
Итог войны, трагедии следы.

Кто дал команду о ночном обстреле
В канун начала Олимпийских игр!
Не витязь же, воспетый Руставели, —
Овечьей шкурой прикрывался тигр.

Теперь понятно, что «кавказской драки»
Сценарий подготовлен был извне.

Кто развязал «кампанию» в Ираке,
Испепелил Афганистан в огне,
Теперь решили там, за океаном,
Вооружить кавказских кунаков,
Чтоб, наконец, свершились злые планы
Разрушить дружбу, что итог веков.

Граюз для осетина — генацвале.
Зачем пришел он с танковым стволом!
Не лучше ль было сесть за «Цинандали»
Под алычой за дружеским столом!

Соседи, братья! Видеть это больно,
Такое не позволил бы абрек.
Жить в дружбе предлагают добровольно,
А гость для горца — лучший человек.

ке паслись козы, рядом
ходили важно гуси, куры
разгребали сор лапами,
откидывая его за себя, на
привязи дремал бычок,
дерганьем ушей и дрожью
по коже отгоняя назойли-
вых слепней.

Рядом с перроном малой
и девочка продавали
молоко, а лоточница пред-
лагала выпечку и хлеб.
Деньги наличные еще
были, Владимир распи-
сал их по разным карма-
нам, когда уходил из дому.
Вначале купил горячего
хлеба. Запах, хрустящая
корочка отнесли его па-
мять в детство, в родной
дом — мелкими коготка-
ми на душе «заскребли
мышь».

Подойдя к ребятам, он
взял в полудоралитровой
полиэтиленовой бутылке
из-под «Дюшеса» молоко
и щедро расплатился.

«Надо им отдать все,
что осталось в карманах», —
решил он.

Из правого вместе с
деньгами достал мобиль-
ный телефон, который
еще раньше отключил,
чтобы не докучали звон-
ками, из левого извлек
заряженную обойму от
пистолета и деньги. Блеск
пули поразил пацана боль-
ше, чем деньги и «мо-
бильник», а девочка смот-
рела на все спокойно, но с
интересом.

Деньги он роздал по-
ровну — ей из правой
руки, ему из левой. Отда-
вая пацану патроны и те-
лефон, Владимир напут-
ствовал: «Стреляй только
в тире!».

Белое молоко, хрустя-
щий хлеб и черная воро-
неная сталь составляли
теперь все его состояние.
Да, было еще поле, к ко-
торому он шел с необы-
чайной легкостью. Голода
не испытывал и все же пил
молоко. Пил медленно,
неторопливо, маленьки-
ми глотками, с наслажде-
нием откусывая хлеб.

После нескольких ми-
нут дороги он заговорил
сам с собой: «Куда набрал
столько? Ладно, молоко
налью ежику, а хлеб скро-
шу птицам». Налил моло-
ко в выемку в землю, уло-
женную лопухами, покро-
шил рядом хлеб и заша-
гал дальше — к видимому
уже полю. Мысли стали
приобретать суховатость,
а самая суровая вытесня-
ла все остальные и над-
менно взирала на Влади-
мира. Он ее не боялся, но
уже не радовался окружа-
ющему миру, солнечному
небу, не слышал жаворон-
ка и кукушки, которая от-
считывала жизнь какому-
то счастью.

Владимир спокойно
объял рукоять пистолета,
там же, подмышкой,
взвел курок и, почти не
вынимая пистолет из ко-
буры, развернул ствол к
сердцу. Сердце билось
сильными толчками,
словно готовилось увер-
нуться от угрозы, кровь
сдавливала голову. Вдруг
послышался голоса дру-
зей из его детства: «Вован,
Вовец! — кричали они. —
Вов-чик!»

«Чик» — щелкнул спус-
ковой крючок. Грохота он

не услышал и боли не по-
чувствовал. «Блин!» —
выпал из сердца, быст-
ро взвел курок — и опять
осечка. Он обнажил руку
с пистолетом и извлек
обойму. Она была пуста.
«Забыл заменить после
стрельбы в тире», — эта
мысль с трудом прополз-
ла в гулком тумане.

Голова гудела и была
наполнена разными звука-
ми, голосами, зовущими
его... Вован, Вовец..., дядя
Володя...

А это еще откуда? Со-
знание стало приобретать
ясность. На всех парах, не
чуя под собой ног, к нему
от платформы летел па-
цан: «Дядя Володь,
возьмите, мне вашего не
надо. Возьмите обратно!».
«Слава богу, кому заго-
товлена пуля — воды не
хлебать!» — подумал он.

Но у подбегавшего
мальца в руке был только
мобильный телефон. Он
протягивал его, а моби-
льник кричал голосами дру-
зей: «Вован, Вовец, Вов-
чик! Ты что сбрендил?! Мы
в полчаса, когда узнали, все
уладили. Потом, когда раз-
богатеешь, расслагаться.
Давай возвращайся! Не
дур! Мы тебя любим и
ждем». «А я вас», — сказал
он незнакомым ему голо-
сом, обняв пацана. И повто-
рял эти слова, пока не за-
хлебнулся слезами.

А в этом время в не-
большой церквушке ров-
но горела свеча, постав-
ленная во здравие, и губы
шептали слова молитвы,
восходящие к куполу:
«Спаси и сохрани».

Анатолий
Прядкин

Рассказ

СЕМЬЯ ДЕНИСА

Денис Березкин, спокойный, рассу-
дительный крепыш, в кругу своих дво-
ровых сверстников часто рассказывал,
что у него когда-то было «две прабабуш-
ки, два прадедушки, одна бабушка, три
дедушки, два папы и одна мама...»

— Мама у меня была одна, — говорил
он друзьям, — и я ее очень любил (здесь
у Дениса кривились тоненькие, бледные
губки, а голубые глаза становились влаж-
ными), пока ее не забрали в милицию...

Собравшиеся вокруг Дениса замирали,
и через некоторое время кто-нибудь
обязательно спрашивал: «И после этого
ты ее разлюбил?»

Денис опускал тяжелые от слез глаза
и дрогнувшим голосом отвечал: «Нет...не
разлюбил...я стал ее любить еще силь-
нее...»

Ребята облегченно вздыхали и пере-
шептывались, жались друг к другу плот-
нее, словно оправдывая Дениса и гово-
ря, что они поступили бы точно так же,
как он.

Взрослые люди из подъезда, куда
приходил Денис, недовольно морщи-
лись и ворчали: мол, вот так образуются
шайки и банды, которые мешают по-
рядочным людям проводить свой досуг,
прогуливая четвероногих друзей чело-
вечества. Но бросить подобный упрек
Денису, имеющему на втором этаже
трехкомнатную квартиру с солнечной
стороны, эти жилища боялись, так как
квартиру занимал главный технолог
большого предприятия, живущий в ней
по согласованию с опекунами советом,
во власти которого находился Денис до
своего совершеннолетия.

Денис, конечно, ничего об этом не
знал и приходил к подъезду по памяти
тех лет, когда была жива бабушка Нина,
а ее сын Сергей считался ему отцом.

— Дениска, а где твой отец? — допы-
тывался второклассник Андрей Шувало-
в. — Меня и в школу, и из школы возят
на иномарочке, а ты будешь топтать нож-
ками, когда пойдешь в первый класс.

— Когда я пойду в школу, — уверенно
отвечал Денис, — я свои двойки унесу на
себе, а ты свои не увезешь и на машине.

Андрей высокомерно хмыкал и не-
брежно ронял:

— У моего папы денег — цыплята не
клюют!

— Фу...цыплята! — защищался Денис.
— У моей бабушки Нины и куры их не
клевали. Курочкам я в огороде травку
рвал, а они мне за это яички каждый день
в сарае оставляли.

Денис часто наблюдал, как Шувалов
выпрыгивал из большого черного лиму-
зина и независимой походкой направ-
лялся домой, а следом несли его школь-
ную сумку, переваливаясь от ее тяжести с
ноги на ногу, разукрашенная мама Анд-
рея.

Однажды из сверкающего лимузина
вышел отец Андрея и, заметив Дениса,
стоявшего возле старой липы, поманил
его к себе пальцем. Березкин, привык-
ший доверять во всем взрослым, быстро
подошел.

— Садись в машину, — произнес стар-
ший Шувалов, — сейчас мы поедем на
городскую площадь, и там ты увидишь
всех своих родных. Они будут рады
тебе...

Сияющая улыбка озарила лицо Бе-
резкина, но тут же померкла, и он, пред-
чувствуя подвох, обиженно взглянул на
Шувалова. Шувалов уловил этот скор-
бный взгляд и выругал себя за опромет-

чивость, но время, чтобы исправить
ошибку, еще было, и он притормозил.

— Видишь ли, Денис, я хотел сделать
тебе подарок, тем более как раз для это-
го подходящий случай... Но пусть этот
подарок останется между нами, муж-
чинами. Согласен?

Березкина еще никто не называл
«мужчиной», и это ему польстило.

— Довожу до твоего сведения, — те-
перь Шувалов бросил испытывающий
взгляд на Дениса, — что я, как говорят
многие, художник, не лишенный дара
свыше. И вот я решил нарисовать кар-
тину, где бы ты был среди своей семьи
вот таким, какой ты есть, то есть жиз-
нерадостным и стойким... Стойкий,
значит человек, живущий сообразно
природе, которого судьба ведет за со-
бой. Это люди — материалисты, а на ма-
териализме, как на фундаменте, стоит
наша жизнь.

Неожиданно Шувалов спросил:
— Для тебя это несложно?

— Да что ж здесь сложного? — уди-
вился Березкин. — Мне об этом и пра-
дедушки, и дедушки, и папы говорили...
Ну, поехали к ним скорее!

Картина, на которой была собрана
рукой художника семья Березкина,
возвещалась перед входом в городской
Дворец культуры. Она притягивала
своей непосредственностью, словно
часть городских жителей, случайно по-
павших на полотно. В центре него радо-
стной улыбкой светилось лицо Дениса
Березкина, как бы говорящее о том, что
человеческое счастье пребывает в са-
мом человеке, надо его только желать.

Денис не верил своим глазам и все
время, поворачиваясь к Шувалову,
спрашивал: «Разве такое может быть,
чтоб всем вместе? Там же и прабабуш-
ки, и прадедушки... и я!»

Пожилая чета, заметив Шувалова,
еще издали начала ему кланяться и го-
ворить слова благодарности, и Денис
услышал, как старичок сказал: «Алек-
сандр Пушкин всегда подчеркивал, что
в семье должна быть обязательно ба-
бушка».

Шувалов присел на корточки ряд-
ом с Денисом и тихо произнес, пока-
зывая на картину:

— Видишь, хвалит меня, с Ильей Гла-
зуновым сравнивают, а никому и в го-
лову не приходит, что видит перед со-
бой плакат-агитку и не более. Жаль,
Дениска, что ты еще читать не умеешь,
иначе бы ты и сам мне сказал: «Надо,
товарищ Шувалов, писать не «год се-
мьи», а по крайней мере, — век!..» А все
из-за этой иномарки, вернее, из-за моей
жадности. Вот и потеряна суть, ради
чего я работал. Уперлись в один год — и
век! Как будто после этого года насту-
пит конец света. Но ведь он не насту-
пит, верно?

— Еще как верно! — подтвердил Бе-
резкин. — Нам жить и жить...

— Лег до ста расти нам без старости! —
произнес художник и, вставая, подхва-
тил Дениса на руки.

Оказавшись на высоте, Березкин по-
чувствовал прилив бодрых сил и, не
обращая внимания на стоящих рядом
людей, задыхаясь от восторга, пропел:
«Лег до ста расти нам без старости!».

Захваченные детским азартом,
взрослые неожиданно следом за Дени-
сом на разные голоса дружно подхва-
тили: «Лег до ста расти нам без старо-
сти...».

ЧИТАЙТЕ НАС В ИНТЕРНЕТЕ

С творчеством членов литобъединения «Зодиак»
можно познакомиться в Интернете, на сайте

www.zodiack.narod.ru